

Анатолий Дмитриевич Степанов –

историк, главный редактор портала
«Русская народная линия»

Еще один византийский урок

В последнее время главным образом в связи с выходом прекрасного фильма архимандрита Тихона (Шевкунова) «Византийский урок», казалось бы, давно забытая тема византийского наследия снова оказалась в центре общественного внимания. Хотя на самом деле тема эта на задворках национального сознания была, пожалуй, только в советское время, а в эпоху Московского царства и императорской России русская мысль к этой теме постоянно обращалась. Самые острые переживания в связи с падением Второго Рима русские испытывали, конечно, в конце XV века, поскольку крах Византийской империи совпал по времени с общими ожиданиями конца света — в 1492 году по расчетам исполнилось 7 тысяч лет от сотворения мира и согласно многим пророчествам в этом году должен был случиться Апокалипсис. Падение Константинополя в 1453 году, безусловно, только усилило эсхатологические настроения.

В XVI веке победа над ересью жидовствующих, полное объединение русских земель вокруг Москвы, победа над осколками Золотой Орды — Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами, венчание на царство великого князя московского Ивана IV Грозного и учреждение патриаршества на Руси — все это привело к утверждению в национальном сознании представления о Третьем Риме, о преемстве Москвы от Константинополя.

Как только были преодолены последствия Смутного времени, тема константинопольского наследия вновь стала доминировать в политике Москвы — и при Алексее Михайловиче, и при Федоре Алексеевиче, и в годы регентства Софьи Алексеевны, и в первое время правления Петра Алексеевича. Затем Петр I развернул политику Руси в северном направлении, но суть ее осталась той же. В 1721 году при поднесении ему Сенатом и Синодом титула императора и звания Великий Петр

Иван IV. Начало XVII века

Алексеевич счел необходимым подчеркнуть, что его реформы были направлены на то, чтобы «с нами не стало как с империей Греческой». Эти слова можно понять не только как объяснение сути тех реформ и действий, которые проводил великий русский государь-преобразователь (а отношение к петровским реформам было и остается противоречивым), но и как нарочитое свидетельство гео-

В XVI веке победа над ересью жидовствующих, объединение русских земель вокруг Москвы, победа над осколками Золотой Орды, венчание на царство Ивана IV Грозного и учреждение патриаршества на Руси – все это привело к утверждению в национальном сознании представления о Третьем Риме, о преемстве Москвы от Константинополя.

политического преемства от Константинополя.

Русско-турецкие войны и «Греческий проект» Екатерины Великой, поддержка борьбы греков за независимость Александром I, русско-турецкая

война Александра II, едва не закончившаяся взятием Константинополя, и, наконец, проект русских условий мирного договора после Первой мировой войны, включавший передачу Константинополя

России, — свидетельства того, что с конца XVII до начала XX века тема византийского наследия была в центре российской политики. Более того, в XIX веке эта тема стала предметом активной рефлексии в русской историософии: Алексей Хомяков, Николай Данилевский, Владимир Соловьев, Константин Леонтьев и другие русские мыслители много писали об этом. Одновременно в конце XIX — начале XX века были изданы фундаментальные труды и по истории Византийской империи. Однако в сегодняшней дискуссии на тему византийского наследия акценты расставлены иначе. На первый план вышла тема роли Запада в гибели Византийской империи, разграбления крестоносцами богатств империи, что и стало основой «чуда западного капитализма», обострило конфликт Восточной православной и Западной цивилизаций. Понятно, что такая постановка проблемы се-

двумя серьезными искушениями, которые необходимо понять и верно оценить. С одной стороны, некоторые интеллектуалы, писатели и публицисты, в том числе и православные, говорят о том, что нам нужен союз с христианским Западом для совместного противостояния мусуль-

российскими ресурсами. А для этого опять же надо активизировать связи с Ватиканом, без которого союз России с Европой не состоится.

Обе эти идеи являются настоящими искушениями, поскольку предлагают внешне логичное, но по сути неверное и опасное решение реально существующих проблем — угрозы со стороны воинствующего исламизма и противостояния с главными центрами силы в мире.

Неверное и опасное, потому что, как учит нас история, союз с Ватиканом Россию никогда до добра не доводил. И сегодня предложение наступить на те же грабли вряд ли приведет к иному результату.

В этом смысле нам стоит особенно внимательно присмотреться к событиям кануна падения Константинополя и извлечь еще один полезный и необходимый «византийский урок».

Светская и церковная власти Второго Рима в конце XIV — начале XV века, предвидя падение Константинополя под натиском турок, тоже пытались получить поддержку христианских государств Западной Европы для отражения мусульманской угрозы. Особую активность в этом направлении проявлял предпоследний византийский император Иоанн VIII Палеолог. В свою очередь Ватикан, понимая критическое положение Византии, хотел, воспользовавшись сложным положением братьев по вере, подчинить православных римскому папе и навязать им в качестве нормы все католические искажения христианского вероучения. На перекрестке этих

манской угрозе. А для этого необходимо активизировать контакты с теми, которые реально сталкиваются с угрозой

Петр I развернул политику Руси в северном направлении, но суть ее осталась той же. В 1721 году при поднесении ему Сенатом и Синодом титула императора Петр Алексеевич счел необходимым подчеркнуть, что его реформы были направлены на то, чтобы «с нами не стало как с империей Греческой».

годня предельно актуальна. В этом смысле фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) назван очень точно — «Византийский урок». Именно так! Мы должны извлечь для себя уроки из падения Константинополя, чтобы, по слову Петра Великого, «с нами не стало как с империей Греческой». Однако сегодня национальное сознание сталкивается с

исламизации, — с консервативными протестантскими кругами Европы, с Израилем и прежде всего с Ватиканом. С другой стороны, все громче звучат голоса политологов и политиков, выступающих за интенсификацию контактов с Европейским союзом, чтобы обрести союзника в борьбе против экспансии США и Китая, стремящихся с разных сторон получить контроль над

интересов в 1438 году в итальянском городе Ферраре открылся грандиозный церковный собор, который, по замыслу организаторов, должен был привести к воссоединению Церквей.

Господь сразу же явил Свое отношение к идее унии православных с католиками, на что, впрочем, соборяне, увлеченные поиском политических выгод, внимания не обратили. В Ферраре вспыхнула эпидемия чумы, но собор не прекратил заседаний, а переехал во Флоренцию, где продолжался в 1439–1442 годах. В начале работы собора во Флоренции умер константинопольский патриарх Иосиф II, но и этот Божий знак не остановил участников собора. Напротив, смерть одного из главных действующих лиц собора только ускорила подписание унии.

В итоговом документе Флорентийской унии 1439 года православные участники собора признали все догматические нововведения латинян. И только один участник собора — епископ Марк Эфесский, — несмотря на колоссальное давление, отказался подписывать документ (да еще представители Грузии и Абхазии, увидев, к чему идет дело, просто сбежали с собора). Первым подписал унию византийский император Иоанн VIII Палеолог. Среди активных участников собора был и русский митрополит — грек Исидор, личность весьма примечательная. Историки характеризуют его как одного из самых образованных и самых политизированных людей того времени,

активного участника политической борьбы в Константинополе. И этот человек, незадолго до того возведенный на московскую кафедру — как полагают, специально, чтобы он мог принять участие в соборе, — стал одним из самых активных пропагандистов унии с католиками. Приехав в

Пизанелло. Иоанн VIII Палеолог. Памятная медаль. 1438

Москву, он сумел убедить великого князя Василия II Ва-

унии был возведен папой Евгением IV в кардиналы.

Для нас важно посмотреть, как действовал после этого глава Русского государства и как развивались события далее. В марте 1441 года митрополит Исидор прибыл в Москву и вручил Василию Васильевичу послание папы Евгения IV, который уже начал хозяйничать в православном мире, прося московского великого князя помогать своему кардиналу в соединении Русской церкви с Ватиканом. Во время архиерейского богослужения в Успенском соборе кардинал-митрополит помянул сначала римского папу Евгения, а потом уже константинопольского, александрийского, антиохийского и иерусалимского патриархов. Затем он прочитал с амвона определение Ферраро-Флорентийского собора. Уже через три дня по приказу великого князя митрополит Исидор был взят под стражу и заключен в Чудов монастырь. Затем на соборе Русской церкви Исидор, отказавшийся по-

Светская и церковная власти Второго Рима — особенно предпоследний византийский император Иоанн VIII Палеолог — в конце XIV — начале XV века пытались получить поддержку христианских государств Западной Европы для отражения мусульманской угрозы.

сильевича в необходимости собора, как сейчас принято выражаться, «для свидетельства католикам о православии», для возвращения латинян в православие. Великий князь снабдил митрополита Исидора деньгами, и тот во главе делегации отправился в Италию. Однако на соборе митрополит Исидор проводил совсем иную линию, и за усердие после подписания

каяться и отречься от унии, был осужден. Полгода провел он в заключении, а потом (возможно, с ведома Василия II) бежал в Тверь. В конце 1445 года митрополит-кардинал прибыл в Рим.

А на русский митрополичий престол собором русских архиереев при поддержке главы Русского государства был возведен святитель Иона. Так попытка отступничества приве-

Бенедикто Гочцолли. Шествие волхвов. Деталь: патриарх Иосиф. 1459–1461

В начале работы собора во Флоренции умер константинопольский патриарх Иосиф II, но и этот Божий знак не остановил участников собора. Напротив, смерть одного из главных действующих лиц собора только ускорила подписание унии.

ла к торжеству православия на Руси, Русская церковь фактически стала автокефальной, а власть светская и церковная направили свои усилия к делу объединения Святой Руси, которой предстояло стать Третьим Римом. Перед нами две модели поведе-

ния государственной власти. Император Византии действовал политическими методами, уступал в принципиальных вопросах вероучения ради политических выгод. И уже при своей жизни он был обречен увидеть тщету своих усилий. Хотя римский папа Евгений и

призвал рыцарей к крестовому походу, но войско крестоносцев собралось небольшое, в результате оно было разгромлено турками. А венецианцы и генуэзцы и вовсе откровенно предали братьев по вере ради будущих торговых выгод. Сам император Иоанн VIII был женат трижды, но детей не имел, и после его смерти престол унаследовал его брат Константин, которому было суждено погибнуть на бастионах Второго Рима.

Глава восходящего Третьего Рима, напротив, ради защиты чистоты вероучения был готов идти на обострение отношений с сильными мира сего – и с императором, и с константинопольским патриархом. И в своем стоянии за веру великий князь Василий Васильевич был оправдан. Несмотря на тяжелейшие условия своего княжения (большая часть которого выпала на ожесточенную борьбу за власть, в ходе которой он был пленен своими противниками и ослеплен, из-за чего и получил прозвание Темный), Василий Васильевич сохранил власть и передал ее своему сыну Ивану III. А уже новый государь поставил точку в зависимости Руси от Орды и практически завершил объединение вокруг Москвы русских земель.

Впрочем, Василий II лишь продолжил заложенную его предшественниками линию отношения русской власти к латинянам. Согласно летописному свидетельству, святой равноапостольный Владимир Креститель не захотел принять крещение от римских прелатов, предпочтя греков. А святой благоверный Александр Невский отверг предложение папских посланников принять корону от римского папы и поддержку в борьбе с татарами в обмен на принятие католицизма. Столь же твердым в охранении православной веры впоследствии был и первый русский царь

Иван IV Грозный, чуть не побивший и выгнавший из страны папского посланца — иезуита Антонио Поссевина.

В императорскую эпоху отношение к католикам со стороны русской государственной власти стало более мягким, что было связано с привлечением на государственную службу иностранцев, в основном иностранных. Предпринимались даже попытки заключить конкордат с Ватиканом — в эту авантюру стремились завлечь и Петра Великого, но не получилось. А вот «рыцарь на троне», император Николай I, не устоял перед искушением установления «особых отношений с Римом». После того как в 1839 году униаты были присоединены к Православной церкви, Ватикан организовал мощное давление на Россию: папа Григорий XVI постоянно выступал с филиппиками в адрес России, епископские кафедры оставались вакантными, поскольку папа не утверждал кандидатов. В итоге император Николай Павлович не выдержал давления и в декабре 1845 года нанес визит в Ватикан, а на следующий год послал делегацию под руководством графа Дмитрия Блудова, результатом деятельности которой и стал конкордат 1847 года. По его условиям учреждалась новая римско-католическая епархия в Херсоне. За понтификом признавалось право особой буллой определять пределы епархий — ранее это считалось неотъемлемым правом русских государей. Император отныне не мог до утверждения папы назначать католических епископов — прежде избрание всецело зависело от русского правительства, которое предоставляло папе лишь право посвящения указанного лица. Конкордат содержал и другие уступки, существенно расширявшие права Ватикана на территории России. По некоторым пунктам Россия пошла

Пинтуриккио. Двор папы Евгения IV. 1502–1503

Среди активных участников собора был и русский митрополит — грек Исидор. На соборе митрополит Исидор вопреки воле великого князя Московского выступал одним из самых активных сторонников унии с католиками и за свое усердие был возведен папой Евгением IV в кардиналы.

После низложения Исидора на русский митрополичий престол был возведен святитель Иона. Так попытка отступничества привела к торжеству православия на Руси, а Русская церковь фактически стала автокефальной.

даже дальше австрийского, французского и прусского конкордатов. Чем все это завершилось — хорошо известно. Против спасшего Европу от революции в 1848 году русского царя была развязана сначала информационная, а затем и вполне реальная война. Понятно, что без благословения римского престола это прозойти не могло.

В конце концов, в 1866 году конкордат был отменен. Однако в 1882 году были подписаны некоторые соглашения, восстанавливавшие отдельные его положения. А в 1894 году, за 3 месяца до смерти императора Александра III, стараниями министра-резидента в Ватикане Александра Извольского при папском дворе была открыта русская миссия.

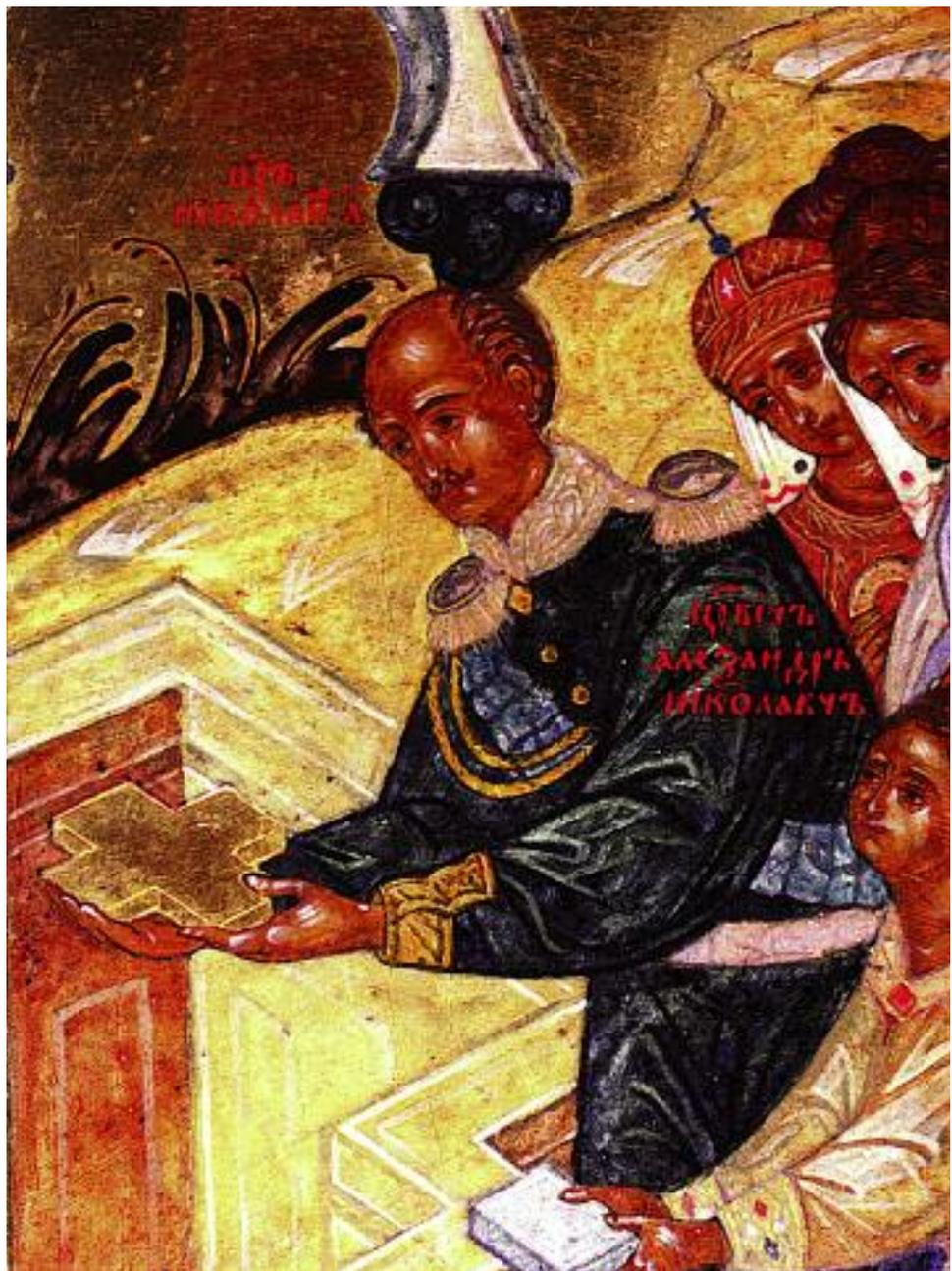
Характерно, кстати, что советские лидеры, которые пытались улучшить отношения с Ватиканом — Никита Хрущев и Михаил Горбачев, — вскоре лишались власти, оттеснялись от власти своими конкурентами. Словом, дружба с Ватиканом во все времена для власти заканчивалась весьма плачевно.

В современных условиях, к сожалению, и в среде духовенства Русской православной церкви появились люди, активно ратующие за союз с католиками. Эти исидоры нашего времени могут создать для власти серьезные проблемы.

Поэтому крайне важно сегодня нашей власти усвоить урок великого князя Василия II Темного: в интересах самосохранения власть не должна останавливаться перед тем, чтобы силой останавливать попытки заключения унии.

Нынешние исидоры этот урок уже усвоили. Они понимают, что единственной силой, которая может помешать им реализовать униатскую программу, является государство. Поэтому одновременно с филокатолической пропагандой они пытаются дискредитировать идею союза Церкви и государства, проповедуя, что светская власть во все времена представляла и представляет сейчас угрозу для Церкви. Особенно активно эти идеи пропагандируются в петербургском церковном журнале «Вода живая». Так, например, фактический руководитель журнала — председатель Издательского отдела Санкт-Петербургской епархии протоиерей Александр Сорокин — в своем выступлении на круглом столе «Уроки Октября» (посвященном 90-летию революции 1917 года) заявил буквально следующее: «Уместно тут вспомнить меткое замечание Николая Бердяева о том, как мечта о Третьем Риме обернулась реальностью Третьего Интернационала. Хотя уже сама по себе

православная мечта о Третьем Риме была порочна и губительна, ибо то была мечта о несбыточной симфонии Церкви и государства. Именно она сгубила оба первых Рима, из которых, правда, первый быстро возродился и существует доныне, отказавшись от этой порочной идеи и доказав, что он есть Рим первый и последний («вечный город»). Уже сама эта мечта о Третьем Риме говорила о пороке, вкравшемся в православное сознание еще во времена средневековой Руси». Вот так — ни больше ни меньше! Оказывается, не впадение в ересь («два Рима в ересь падоша», писал старец Филофей, обосновывая идею Третьего Рима), но стремление построить симфонические отношения между Церковью и государством сгубили два первых Рима! А идея симфонии вообще несбыточна и порочна! Странно, что отец протоиерей не предложил деканонизировать святого императора Юстиниана, автора знаменитой шестой новеллы, провозглашавшей принцип симфонии властей. Ну и неудивительно, что идеалом церковно-государственных отношений петербургский священник провозглашает «вечный город», Ватикан, но никак не Третий Рим. Конечно, протоиерей Александр Сорокин выражает свою личную позицию, а не церковную и даже не епархиальную. Церковный взгляд на проблему церковно-государственных отношений продемонстрировал Святейший патриарх Кирилл, который во время недавнего политического кризиса однозначно поддержал усилия власти по сохранению порядка. Однако у отца Александра есть единомышленники в Церкви, занимающие, как и он, заметные должности в церковной бюрократии. Впрочем, Господь дает нам и ободряющие знаки — многие православные увидели дей-

Сергей Куракин. Новорусская Богоматерь. Деталь клейма «Закладка Храма Христа Спасителя, 1839 год»

«Рыцарь на троне», император Николай I, не устоял перед искушением установления «особых отношений с Римом» и заключил конкордат 1847 года.

ствии Промысла Божия в том, что Святейший патриарх Кирилл был возведен на патриарший престол именно в день памяти святителя Марка Эфесского. Сам Святейший патриарх в своей интронизационной речи особо подчеркнул сей факт, заявив: «Патриарх — хранитель внутреннего единства Церкви и вместе с собратьями по епископату блюститель чистоты веры.

Воспринимаю как особый знак Божий то, что патриаршая интронизация совершается сегодня, в день памяти святителя Марка Ефесского — дерзновенного защитника и поборника православной веры. Задача патриарха — не допускать перерастания разномыслий, которым по слову апостола «надлежит быть» (1 Кор. 11: 19), в расколы, нестроения и лжеучения». ☩